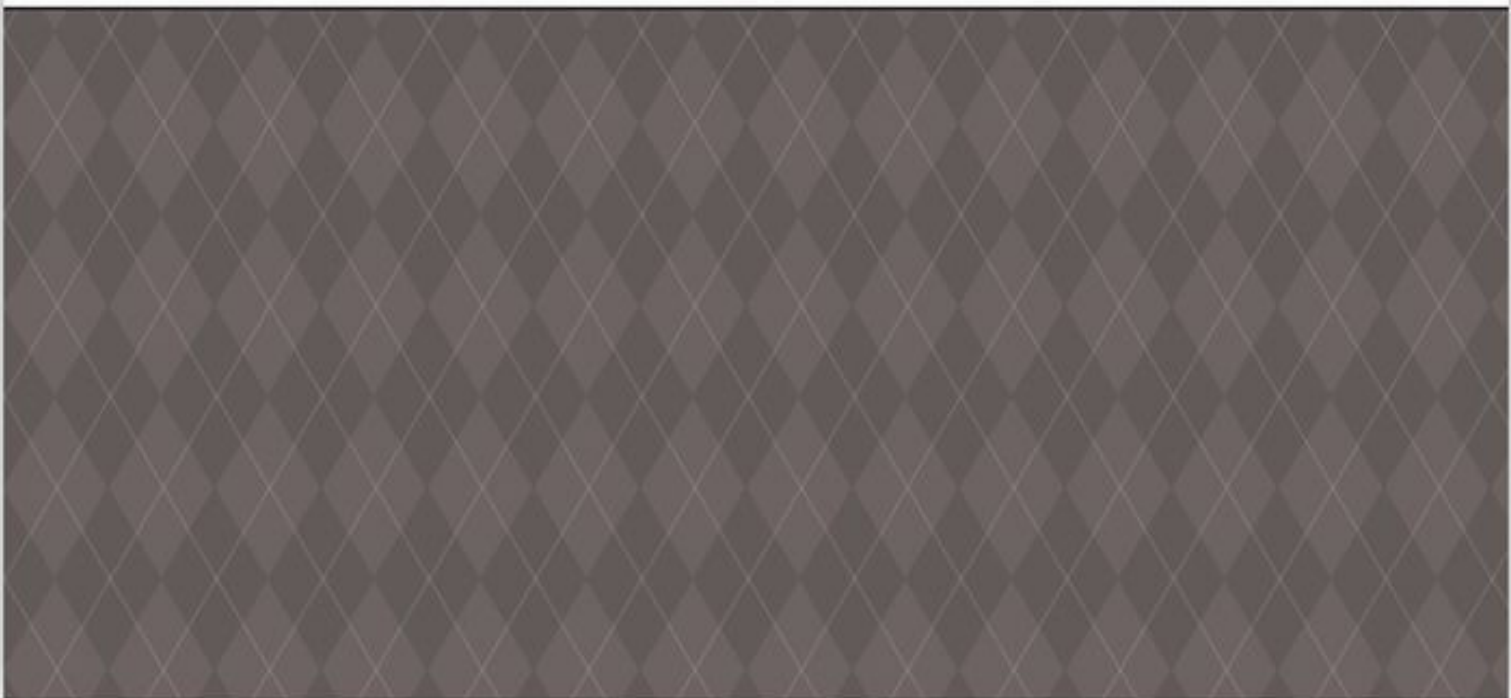

18+ Ростислав Жуков

*В сиянии
небесных
сияющих*

Избранные ранние произведения

Ростислав Жуков

**В сиянии небесных сияющих.
Избранные ранние произведения**

«Издательские решения»

Жуков Р.

В сиянии небесных сияющих. Избранные ранние произведения /
Р. Жуков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-743339-0

Уже известный читателям по книгам «Марамойские рассказы» и «Падеспань»,
автор публикует в этой книге некоторые из своих ранних произведений.

ISBN 978-5-44-743339-0

© Жуков Р.
© Издательские решения

Содержание

Раздел I. Ранние рассказы	6
Понятие единой субстанции	6
День рождения Капитона Варсонофьевича Дерменгольма	11
В автоматическом ночном пивном баре	13
Город Новобубонск	15
«Дорога была прямая как стрела и утопала в зелени»	16
Стимуляция	19
Находчивость Базилио	19
Хлебосольный Джус	19
Как Базилио Джуса опустил	19
Жизнеутверждение Джуса	20
Большая вершина	21
Страшный мир	22
Виселица	23
Раздел II. Величественные полотна	26
Комитет	26
1. Outdoor Growth	26
2. Lazy Masturbate (Центральный Комитет)	26
3. Taylor Hospital	27
4. Big	28
5. Fifth	28
6. Pict	29
7. Yellow Faces	29
8. Remergence	30
9. Star Again	30
Bleak Street	31
1. Струк	31
Предисловие	32
Начало анализа: 1	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

В сиянии небесных сияющих
Избранные ранние произведения
Ростислав Жуков

© Ростислав Жуков, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Раздел I. Ранние рассказы (1985 – 1989)

Понятие единой субстанции

Никто не знал, куда и зачем, собственно, он едет. Но даже если бы это и было известно, это не представило бы, пожалуй, такого интереса, как содержание его багажа. Грязно-зелёный пассажирский поезд вёз через срединные районы Среднерусской возвышенности человека внешности привлекательной лишь постольку, что она принадлежала именно ему. Капитон Варсонофьевич Дерменгольм, по профессии врач-венеролог – вот кто это был, и этим было бы уже много сказано, если бы вы знали, кто это такой. Поезд вёз его, и много кто был в этом поезде, вполне возможно, что там были люди по своей примечательности в определённой степени и схожие с Капитоном Варсонофьевичем Дерменгольмом, может быть, даже приближающиеся к нему в этом аспекте. Но вряд ли кто из этих людей вёз в своём багаже что-либо такое, что могло бы озадачить. Чем озадачить? Непонятностью своего предназначения. Среди разрозненных номеров «Сельской жизни» за 19.. – 19.. годы, предназначенных для оклейки стен маленькой квартиры К. В. Дерменгольма в маленьком городе Лугарине-Спасском, что затерялся в дебрях Октябрьской железной дороги (хотя и это уже навевает сомнения: к чему бы везти какие-то старые газеты – да хотя бы и новые – за тридевять земель?), среди старых ботиночных шнурков, совершенно новых пластмассовых крышек для банок и прочей дряни лежала дрянь, уже выходящая за рамки представления о К. В. Дерменгольме даже людей, знающих его более-менее. Именно в среднем чемодане Капитона Варсонофьевича (ибо было их у него всего три: большой, средний и малый) лежала вырубленная где-то в лесу ольховая коряга средних размеров, абсолютно неинтересная, разветвляющаяся на пять концов, вырубленная довольно грубо, треснутая и могущая быть использованной разве что для растопки печки в маленькой квартире Капитона Варсонофьевича – если корягу перед тем разрубить ещё на несколько кусков, ибо целиком она не пролезла бы в дверцу печки. Знал об этом лишь сосед Капитона Варсонофьевича, сидящий напротив его у немытого окна на нижней полке, ч которой он уже стёр всё ядовитую железнодорожную пыль своими светлыми парусиновыми брюками. соседа звали Муригор Варфоломеевич Триммельман. По профессии он был учитель в начальной школе, откуда его, впрочем, уволили три года назад за пристрастие к зелёному змию. Ему было 54 года. Другие два соседа Капитона Варсонофьевича Дерменгольма – Лугарий Лепитолитович Кугельман и Шискуазий Душанбилович Псёр – к зелёному змию пристрастия не питали, не питал его и сам почтенный Капитон Варсонофьевич. Все четверо были пьяны в дым в настоящий момент. И уже ничто не волновало их блуждающие умы. Точней, блуждал ум только Капитона Варсонофьевича, ибо остальные его соседи уже мирно спали, в том числе Лугарий Лепитолитович Кугельман – в каптёрке линейного отделения милиции на станции Новая Рогулька, что под Кишинёвом. Что же Капитон Варсонофьевич? Что же делал он? Он думал. «Как же я и привезу *это* домой?!...» – обеспокоенно шевелилась и извивалась мысль в его мозгу, мозгу честного врача-венеролога. Никто ведь действительно не знал, что *это* и зачем *это* нужно было везти за полторы тысячи километров. Дело в том, что не знал этого и сам почтенный Капитон Варсонофьевич. Никто не знал, и в чём здесь заключено понятие единой субстанции...

Но об этом после, потом... А пока едет, едет, летит почтенный К. В. Дерменгольм к своей цели, к своей зыбкой мечте. Гудит, гудит тепловоз! Птицы, прочь с дороги! Вольный ветер, бей в пыльный изнутри тепловозный прожектор! Капитон Варсонофьевич, вперёд! Там нас не ждут!

Природа щедро оделила красками обширные пейзажи. Зелёные кусты ракитника растут у воды справа и слева, куда достанет глаз. Быстро перебегают одиночную железнодорожную колею маленькие резвые куропатки. солнце в зените. Уже не скроешься и в тени. фиолетово-яркий день.. июля 19.. года в разгаре. Лето бушует в тени и на солнце. Бабочки ударяются о ветровое стекло тепловоза.

Уныло сидит Капитон Варсонофьевич. Не позавидуешь ведь: всякий, представив себя на месте почтенного Капитона Варсонофьевича, не захочет представить ещё раз. Ах, Капитон, Капитон ты Варсонофьевич, что же ты наделал... А ведь уже в годах ты, да, в годах – 67 лет уже за твоими плечами, плечами честного врача-венеролога... Жить бы да жить в мире, семь лет уже, как вышел ты, Капитон Варсонофьевич, на заслуженный отдых, отдыхать бы тебе и впредь – так нет ведь... Ах, осторожней, осторожней, Капитон Варсонофьевич! Есть ещё шансы, есть... Они ведь всегда есть, шансы-то... Чего захотелось тебе, Капитон... Смотри же зорко впредь... Можешь ведь лишиться ты своего среднего чемодана... Не оклеишь ты тогда свою каморку обоями поверх старых «Сельских жизней», нечем будет и банки закрывать... Словом, куда ни кинь – сам видишь...

Ведь подумать – ну ни к чему тебе было, ни к чему это. *Это...* Ты понимаешь меня, Капитон... Не смотри так грустно в немытое окно – за ним ведь всё равно ничего не видно... Не помыли окно-то, вот ведь. Ещё одна беда. Куда ни кинь – всё что-то не так. И так уж, казалось бы, хватит, зачем прибавлять себе новые хлопоты... Лугарий Лепитолитович, к примеру. Почтенный муж ведь – и на тебе. Да что он... Знаю, знаю, Капитон Варсонофьевич, много дал бы ты, чтобы только на его месте оказаться, в милиции то есть... Нет, сам наделал делов, сам и расхлёбывай теперь кисель этот мутный... Вареву собачье. Хуже, хуже. Во много раз хуже, ох, ох. Приедешь ведь – стыдно будет мимо родной венерологической больницы пройти. Все смотреть будут на тебя... Скажи спасибо хоть, что никто ничего не понимает... Пойдёшь ты поздней порой через юный сад, узришь лёгкие тени, услышишь – кто-то поёт в тиши, здесь, где-то в ночи... Не Валерий Леонтьев поёт. Того уже тоже нет. Жарко, Капитон Варсонофьевич? По плечу *это* тебе?

Но – чу! Железная поступь сотрясает вековые скалы! Мчится, мчится колесница! Да, я горд, как я горд... Весь мир переворачивается дыбом... Мы все упускаем что-то – и никогда не ловим. Полнолуние, и колдуны летают на мётлах – нет, шутишь! Не пройдёт, ах, не пройдёт! Вперёд, мечта! Вперёд, добрый врач-венеролог! Любовь, она ведь как хитрая *колдуния*, летит на золотые горы, поёт в тиши и в глуши, кричит тепловоз, ура-а-а!! Вперёд!.. Да здравствует!.. Лети!!.. Пой мудрую песню!

Необходимо, как необходимо... Капитон, где же ты... Тени озаряют твои рогулины и загогулины...

Единая субстанция, как вечно молодой смерч, как ясная птица в зелёном небе, как кони, ах, как прекрасно то, что грядёт в наступающее завтра, придёт сегодня, будет вчера, и всегда, и тогда, и бешеные собаки – ерунда, и по плечу, по плечу, по плечу, никуда, никогда, нигде и ни в чём, вперёд, только вперёд, я лечу на крыльях юной мелодии, Венера стоит в небе, как луч озарения перед дальней дорогой, полёт, смерч, птицы, роса, трава, поют гитары и пляшут бешеные блики, и собаки, и собаки, и кони – ах, какие кони, и цветёт трава, незабудки, собаки, ведра земляники – вперёд, мечта! Поют, поют, все поют, поёт Лугарий Лепитолитович Кугельман в линейном отделении милиции, цветут кактусы, поёт иволга, бушует смерч, стучат машинки, чтобы наступило утро, вперёд, летим, летим, летим, летим, летим, летим, летим, летим, летим, летим, летим, летим! Утро наступит, да, наступит. Я верю в это. Солнце взойдёт.

Три часа ночи. Поезд стоит. Почему стоит? Перегорел семафор. Никто не знает, какой огонь должен гореть. Вот и стоит поезд. И рация вышла из строя. Грустно ест К. В. Дерменгольм ватрушку. Муригор Варфоломеевич Триммельман спит. А может, умер? Нет, не может быть! А где Шискуазий Душанбилович? Ушёл он, а куда – неведомо то никому... И вообще

одни они уже в вагоне – Капитон Варсонофьевич Дерменгольм и Муригор Варфоломеевич Триммельман. Нет больше никого, и проводника нет, и нет никого в соседних вагонах, и только один машинист в тепловозе. Не молчит он – что с ним? Спит? Умер? Пьян? Ни то, ни другое, ни третье. Он приобщился к единой субстанции.

А ты, Капитон Варсонофьевич? Не страшно тебе? Смотри, кувыркуны прилетят... Трогает в содрогании он плечо друга своего и брата Муригора Варфоломеевича... Всё, пусто – один пиджак и брюки парусиновые лежат. Муригор Варфоломеевич Триммельман приобщился к единой субстанции...

Не близко до станции... Стоят все поезда, везде... Не горят огни в больших городах. Не горят в малых. Закрыты на замок вокзалы. Люди есть, но их как бы и нет, как Муригора Варфоломеевича. Они приобщились – знаешь уже, к чему? К единой субстанции. Но навсегда ли это? Будет ли исход? Не знаю, не знаю... Один ты, Капитон Варсонофьевич, сидишь, не приобщённый. Съел ты уже ватрушку. Съешь теперь солёный огурец. Съешь что-нибудь. Один ты. вот что ты наделал. Это всё твоя вина. У тебя много ещё всего, что можно съесть. Тебе не кажется, что поезд не пойдёт уже? Корни диких трав проросли сквозь него. Берёзки выросли в автосцепке. Лебеда в дизелях.

Падает крыша вагона от ветхости. Пыль и прах кругом... Сидит Капитон Варсонофьевич на голой земле. Какой год уже? 6178? 996543? Нет, нет, неправильно. Ты один, Капитон Варсонофьевич. Ты один. Ватрушки твои перестали существовать.

Что же, всё? Нет, рассвет занимается. Ура!.. Встаёт солнце... Неужели это ещё возможно?? Встаёт... Что это? Что это? Поезд едет... Но он же рассыпался в прах... А где... Едет поезд. И кричит тепловоз. И шумят пассажиры в вагоне. И машинист – как машинист. И Муригор Варфоломеевич Триммельман приподымает с лавки сплюснутую свою опухшую серую рожу. Жив ты? Все живы. Все на местах. С радостью разгрызает Капитон Варсонофьевич грецкий орех. Всё вернулось на свои круги. Но...

Это.

Оно здесь.

Оно как было, так всё и есть. С ним ничего не случилось. Это на *это* не распространяется.

Вот и живи теперь. А кто виноват-то, Капитон Варсонофьевич? А? Ты и виноват. Терпи теперь. Вдыхай. Теряй в весе. Субстанция... Ты её не трогай. Ты езжай себе с Богом. Это всё твоё.

Поезд стоит. Нет, всё нормально. Он стоит у перрона станции Лугарино-Спасское. Октябрьской ж. д. Всё. Приехал ты, Капитон Варсонофьевич.

Кузнечики поёт в кустах. Вершится историческая поступь. Что ж ты, Капитон Варсонофьевич, медленно идёшь домой?

Идиотизм идиотизму рознь. Городок Лугарино-Спасское – районный центр. Идёт Капитон Варсонофьевич по улице, залитой светом и солнцем. Идёт. Вперёд, Капитон Варсонофьевич!

Иди же, иди, милый друг Капитон Варсонофьевич. Иди. Можешь считать, что не вижу я, что идёшь ты не кратчайшим путём. К дому твоему кратчайший путь мимо родной лечебницы. Всегда ты так ходил, мимо неё. А сейчас не идёшь. Стыдно, стыдно тебе. Страшно тебе, Капитон Варсонофьевич Дерменгольм? Неси крест свой. Неси. Всё равно это тщетно. Всё равно – какая вина?!.. Ну скажи, какая?! Какое в том зерно? Никакого зерна. Никакой вины. Вины нет. Нет твоей вины, отец ты наш родной. Тем хуже для тебя. Не прощает ошибок, не прощает закономерности, не прощает вчерашнего дня, не прощает белого света над кустом из железной проволоки, ночь, баночки, жёлтенькие стёклышки, очки. Потому что – никого, нигде, пусто, в траве – шиш. Да. А за то, что ты здесь, вчера-всегда, сейчас-слева, назад, за это ничего,

всё ничего, вечное раскаяние, никогда не придёт. Нет вечного раскаяния, нет вины, есть вина. Быстрая трава. Думаешь, проста? Бить надо за это. К сожалению.

Но не тебя, не меня, отец Дерменгольм. Капитон Варсонофьевич, идиотизму есть заслон, идиотам – нет заслона, вокруг лампочки. Я не ты, потому что где же Н? Там есть и восклицательный знак. А если восклицательного знака нет, то и не будет. Страх.

Идёт Капитон Варсонофьевич. Идёт. Вперёд идёт. Не назад. Идёт вперёд. Несёт чемоданы. Пусты улицы. Закрыты окна. Нет никого? Нет, есть. Приобщились?.. Нет. Не приобщились. Они здесь.

А ты видел, как на заре, в полдень, вчера утром, упал с неба голубой конь? Почему конь, спросишь ты. Это был Валерий Леонтьев. И упал он не с неба, сам понимаешь, – с бугра. И грохота не было слышно при том. Нет коней. Правда. Нет. Песок, скалы, остров. Сосна. Сосна без коры. Сосна без корней. Птицы там, где их нет. Сосны нет. Зари нет. Не будет. Хризантемы сломаны. Хризантемы сломаны. Хризантемы сломаны. Иди туда, иди сюда. Страх.

ХРИЗАНТЕМЫ СЛОМАНЫ. Лог, поросший боярышником. Луг, поросший травой. Снег. Солнца нет, потому что их два. Заплатки на небе, так же как и кукурузные хлопья – нет железной дороги. А значит, есть и поезд. Носороги идут на восток. Тигры. Их тоже нет.

Вперёд... Да куда вперёд-то, Капитон Варсонофьевич? Ведь нет же та ни черта. Впереди. Как же можно, когда нужно, когда срочно, когда – нет. Никогда. 35 поезд, 35 поезд, 35 поезд. Страх.

Куда же идёшь ты, Капитон Варсонофьевич? Брось свой чемодан. Расстегни пиджак. Сядь на ту загогулину, что несёшь ты в чемодане. Сел? Понял теперь что-нибудь?

Но нет, нет, нет! Природа, снег, запад, запад, запад! Я лечу, мы роём землю, мы пугаем кротов, снег, розовая вода, сморчки, платки, сопли, сморчки, грузди в томатном соусе. Шоколадный крем, мандариновый крем, цель, цель, цель, впереди, где, когда? Брось! Снег, шоколад, снег, шоколад, снег! Понял? Понял?! Теперь ты понял?!

ДА КОГДА ОН ВНИЗ ПО МНОЖЕСТВУ СИНИХ ЦВЕТОВ!!!

Ночь уже.

Капитон Варсонофьевич сидит на крыльце дома. Дверь заперта. Дома никого нет. Капитону Варсонофьевичу 100 лет. Недавно ему было 67. Почему так? Наверно, сломалось что-нибудь. Наверно, сломались какие-нибудь хризантемы. Плакат сорван. Ночь лежит. Горят огни. Дом пуст. Обои сорваны.

Думаешь, это всё? Кот подох.

А ты? Ты плачешь, Капитон Варсонофьевич? Тебе жалко кота? Нет, тебе жалко загогулину. Ты её сломал. Ты подлец после этого, слушай, друг!.. Дурацкая треснутая, а теперь и сломанная загогулина лежит теперь в дорожной колее. Её нет больше. Нет?!! Да, нет. Ты сломал её.

Неужели это всё, что было нужно? Всё?!.. Ветер носит дурацкие жёлтые газеты и ботиночные шнурки. Пластмассовые крышки лежат на обочине. Благородство, осеняемое могучим крылом, восходит на юге. Акация и была, оказывается, единая субстанция.

Но её нет, и никто нам её не вернёт. Загогулину. В газетах напечатают некрологи. Не напечатают? Ты зря так думаешь. Напечатают, это я тебе говорю. А субстанция-то? Думаешь, ты её понял? Думаешь, ты к ней приблизился? Да тебе никогда к ней не приобщиться. Приобщаются те, кому не дано. Те, кому не дано, приобщаются.

Поставят памятник загогулине. Из мрамора. Будет стоять загогулина, обгаженная голубями. Её обнесут забором. Сюда проложат троллейбусную линию. Вокруг разобьют парк.

Слоны погубили завтрашний день. Сегодняшний день никогда уже не наступит. Он никого не волнует.

Каждый что-то тащит в свою нору. Какую-нибудь такую вот загогулину. А ты, Капитон Варсонофьевич, не такой.

Но где же ты?

Тебя тоже уже нет.

Ты приобщился к единой субстанции.

12, 13, 19 августа 1985 года.

День рождения Капитона Варсонофьевича Дерменгольма

Капитон Варсонофьевич Дерменгольм находился на станции Малая Вишера. Здесь он встречал свой день рождения. Вы, конечно, помните и хорошо знаете нашего друга, врача-венеролога. Какого же ляда нужно ему теперь на станции Малая Вишера?

Вопрос этот был бы неуместен, если бы мы не знали на него ответа. Ощущая своё отношение к конечному результату, он вот-вот должен был уехать пополуночной электричкой на Торфяное.

«Ну вот, мне и 70 лет, хорошо», – подумал Капитон Варсонофьевич, увидев, что стрелки на часах совместились прыжком.

0.01. В неярко освещённом сумрачном объёмном зале для пассажиров он был совершенно один. Кроме него, на деревянном диване в углу спал человек без определённого пола и возраста. Лицо его было покрыто складками. Он не дышал. Капитон Варсонофьевич подошёл к буфету в углу. Буфет был закрыт и задвинут деревянными щитами. Раздался громкий удар и тяжёлый треск. Своды задрожали. Это мимо станции мчался скорый поезд, причём белые окна туалетов слились в одну светящуюся линию.

0.03. Снова сотряслись стены и своды вокзала – это мчался другой поезд, но в обратную сторону и по другому пути. До электрички на Торфяное было ровно полчаса. Капитон Варсонофьевич идёт во второй зал, поменьше и ярко освещённый.

0.04. Этот зал – кассовый. Здесь тоже никого не было. Дверцы ячеек камеры хранения были раскрыты. В ячейках лежал всякий мусор.

Где-то – это значит нигде и когда-то одновременно.

...Улучшает перистальтику кишечника, вредно действует на печень и висит под потолком, громко звеня. Переваливаясь, тыходишь в комнату.

КОГДА ТЫ БЕЖИШЬ, ТЫ СПИШЬ, смотри, но он там не один. Чтобы проверить фазу цитирующего человека, чьи глаза залеплены столовым соусом, нужно подходить осторожно, вложив отвёртку по очереди в одну и другую ноздрю. При этом войдёт один-единственный человек. Он остался лишним и засветился, посмотри на него внимательно: он пришёл с пауком и, приложив все силы, он не уйдёт вообще. Те, у кого глаза залеплены соусом, слышали шёпот мыслей. Посмотри: вон люди, уверовавшие неизвестно во что. Я не вижу их. Они находятся здесь. Они находятся в постоянном противоборстве с пьяным ежом.

Время не покажет ничего. Нет никаких оснований. Смотри: вон цитирующие люди. Но ты не видишь этого. Это лучше не видеть. Вертикальный человек смотрит на тебя. Ты лезешь по трубе. Ты застрял в ней. Волосы на голове вертикального человека расходятся радиально, закрывая лицо. Ты застрял в трубе, и труба делает поворот. Вертикальный человек продолжает оставаться во власти новых шепчущих мыслей. Они текут, как вода, он слышит только их шёпот. Но был также диагональный человек. Загорелись баки с мусором, и он погиб.

Лающие стены: зелёные и розовые сгустки краски, чёрные расходящиеся кверху столбы. Ты – островерхая ночь, ты – отвлечённый душ. Уплотнение, может быть, сгусток, цвет его – лиловый, но может быть красный, оранжевый, грязно-розовый, фиолетовый. Выворачивается чёрная петля, и тебе наконец удаётся выбраться в другую трубу. Новая труба такая же чёрная, как первая.

0.29. Закоченевший на транзитном мартовском ветру Капитон Варсонофьевич залезает в поданную электричку. Её подали всего за 4 минуты до отправления, но Капитон Варсонофьевич садится в неё один. Капитон Варсонофьевич один во всей электричке; внутри всё сотрясается и грохочет. Работают адские машины. Капитон Варсонофьевич садится.

0.33. Двери захлопнулись, электричка дёрнулась и *ПОВОЛОКЛАСЬ*. Капитон Варсонофьевич смотрит в окно: освещённый изнутри пустой вокзал уходит назад. Видно, что человек

без определённого пола и возраста всё так же спит внутри. Из такого же желтокаменного, как вокзал, туалета доносится страшнейший грохот воды. Исчезают последние мутные огоньки Малой Вишеры. Внутри электрички всё сотрясается и грохочет – работают Адские Машины. Стёкла дребезжат. Треск + удар, воздушная волна – встречный поезд.

...Не хотите ли вишнёвого крема?

...Ты знаешь, что он умрёт снова, когда загорится мусор, что всё будет старым, что человек, умерший уже сегодня, никогда не узнает, что он боролся всю жизнь с пьяным ежом, и завтра ему умирать будет уже незачем.

Посмотри на людей, глаза которых залеплены соусом. А вон цитирующие. Эта категория людей пришла с пауком, и они ответят тебе на любой вопрос, но до тех пор, пока не загорится мусор. Когда загорится мусор, все они умрут.

Твоё лицо старое и усталое, и ты умрёшь на днях, то время как я буду ехать в Торфяное. Летом ты исчезнешь в корнях трав, ты затеряешься там. Ты развиваешься и возвышаешься, ты паришь под перевёрнутым ящиком. Ты и твоя конструкция – одно и то же.

Что же ты, дурак? Иди сюда, ты сделаешь себя фиолетовым или белым, не желаешь ли улизнуть? Видишь ящерицу? Она знакома всем, она двойная. Луна черна, и Земля видится из космоса чёрной. Иди сюда, я покажу тебе кое-что ещё: коричневый лист, расчерченный синими линиями, где...

0.47. Капитон Варсонофьевич, 70-летний врач-венеролог, видит на сиденье рядом с собой двойную ящерицу и понимает сразу, в чём же тут дело, потому что много нельзя узнать о том, о чём нельзя узнать вообще ничего.

Ты летаешь под перевёрнутым ящиком, ты стремишься к постоянному удвоению, и ты будешь стремиться к старой истине, забытой тобой, не зная закругляющегося пути. Я вижу тебя, я видел тебя, по крайней мере, я еду в Торфяное, может быть, ты скажешь, куда едешь ты? Пятиточечное движущееся отрывистыми толчками существо-вещество, спичечное пространство, разрушенная связь между скользкой стеной, уходящей вверх, бывшей уже чем-то раньше, и новой отделившейся от стены ящерицей. Придя, ты увидишь, что на самом-то деле там никого нет, что то же самое может повторяться сколько угодно раз, но не в том разноцветная мазня будет опять старой новостью коричневых разрушенных цветов.

1.17. Капитон Варсонофьевич прибыл в Чудово, и электричка продолжает свой путь в Торфяное без него.

Двойная ящерица выходит следом за ним.

К. В. Дерменгольм поправляет френч и оборачивается к ней.

– Ну что, здорово, – говорит двойная ящерица.

– Здорово, – отвечает Капитон Варсонофьевич Дерменгольм.

12 – 13 февраля 1986 года.

В автоматическом ночном пивном баре

Капитон Варсонофьевич Дерменгольм и Магуист Пенедонтович Лукьяппер пришли в ночной автоматический пивной бар «Туп» ночью. Там никого не было. Каменный пол был грязен и мокр. Пивные автоматы светились тусклыми оранжевыми огоньками. В углу сидел Показывающий Филин.

Удивившись присутствию Показывающего Филина, приятели налили себе по две кружки, бросив в щели дважды по 20 копеек.

– Вот я не понимаю, – сказал Магуист Пенедонтович, выпив полкружки, – с чего бы кому-то нужно было знать, что его нет именно в связи с тем, что он здесь.

– Я думаю, – отвечал Капитон Варсонофьевич, – что того, чего нет в связи с тем, что оно здесь, нет также и в связи с тем, что его нет нигде.

И в этот момент по потолку прошлёпала двойная ящерица, а изумрудно-голубые тени прошли обратно, и большой розовый ненастоящий Дядя Вася Щеглов с мыльного завода стал петь чувственный романс «Я начальник лесопилки», а ненастоящий голубой Дядя Петя Вашингтонов, сверкая ненастоящим голубым кумполом, стал подпрыгивать, сжиматься, растягиваться и собираться в складки, как гармошка, при этом он играл на аккордеоне, пел «Камаринскую» и танцевал вальс. Ритмически резво и задорно припрыгивая, по стенам и потолку пошли бесконечные ряды зелёных и фиолетовых манпюльдигов, потом появились шарапупы, шагающие в свинговом ритме. Люстра то исчезала, то появлялась и падала вниз, прошибая каменный пол, откуда сразу начинали вылезать и выбираться небольшие ненастоящие Дяди Пети Вашингтоновы, сверкая маленькими кумполами, но пол снова восстанавливался, становясь как был, и им это не удавалось, потом люстра падала вновь, снова начинали через дыру выбираться Дяди Пети Вашингтоновы, снова восстанавливался пол, и так продолжалось без конца. Троллейбусная дуга сгибалась и разгибалась, сыпались толстые мясистые плоды цурюка, на полу они начинали ритмически подпрыгивать и ползать туда-сюда, ненастоящий Дядя Вася Щеглов всё ещё пел, прижав к волосатой груди микрофон, отставив далеко в сторону правую руку, закатив глаза и вывалив язык, люстра всё падала, и маленькие ненастоящие Дяди Пети Вашингтоновы всё не могли выбраться, основной ненастоящий большой Дядя Петя играл на бубне и ездил на носороге, в углу возник красный глаз, и Дядя Петя Вашингтонов упал перед ним на колени и шёпотом по-английски возопил: «Красный глаз!! Красный глаз!! Как это здорово! Дайте мне ручку! Я запишу это красиво!!». Шарапупы в свинговом ритме зашагали к нему, протягивая ему вместо ручки живых чугунных Показывающих Филинов, ритмические манпюльдики всё шли и шли маршеобразно бесконечными рядами; Дядя Вася Щеглов допел наконец, сел на пол и стал подпрыгивать на заднице, грубо рыча, микрофон он съел и упал рылом в грязь; не следует забывать, что он был ненастоящий; ненастоящий Дядя Петя Вашингтонов взял микрофон и, сжимаясь и растягиваясь, как гармошка, закатив глаза, вывалив толстый язык и откинув в сторону руку, стал петь романс:

Ты бьёшь детей,
Ты бьёшь детей,
Я вижу тщетность мира и затей.
Там, где просвет,
Просвета нет,
И жизнь темна, как чёрный туалет.
Но красный глаз
Пленяет нас,
Иначе я давно залез бы в унитаз.

Иди туда,
Иди сюда,
Всё в мире мерзость, гадость, тлен и ерунда.

Ненастоящий Дядя Петя Вашингтонов пел что-то ещё, наморщив лоб и с омерзением глядя куда-то в угол, сокращался, пыжился, прыгал и вываливал толстый чёрный язык, но уже почему-то ничего не было слышно. Наконец он упал мордой в густую грязь, и всё исчезло.

...Капитон Варсонофьевич и Магуист Пенедонтович по-прежнему стояли в ночном автоматическом пивном баре «Туп» с пивными кружками в руках. Допив по очередной кружке, они с удовлетворением поставили их на места и вышли на улицу. Было три часа ночи. Показывающего Филина в углу уже не было.

22 февраля 1986 года.

Город Новобубонск

Улыбка видна везде. Её видно даже сквозь полосы гашёной извести, видно сквозь воздух, сквозь прекрасное будущее, видно в цвете, видно в цветах, видно в цветной капусте. Её смывает косая пена, это пенится пиво, пенится мыло, пенится раздельное продуцирование. На носилках несут шахматные кроссворды, а отличия, горелые спички – они особенно важны уже сейчас, снова и везде.

Цветная капуста – это то же самое, что:

- а) горелые спички
- б) цветные кроссворды
- в) цветы на асфальте и бетоне
- г) цветные горелые спички
- д) раздельное продуцирование
- е) шелуха с хвоста носорога
- ё) рогатые раздельные цветы
- ж) негоции, инкции и филициндрии
- з) гашёная известь
- и) пиво
- й) мыло
- к) другое.

Гу-гу, гу-гу-гу...

Но тихо! Идёт раздельное продуцирование. Уже булькают затемнённые жидкости в колбачках и ретортах, уже гнездится в углах лаборатории загадочный сумрак, уже склонились над ретортами и пробирками красные круглые носы, уже написано на пожелтевшем листе бумаги прямыми чёрными буквами слово «редукция», уже прыгает в колбе в больших остроконечных очках тот, кому там нужно быть, уже затыкают большими чёрными пробками пробирки, уже выпал в самой большой колбе искомый серо-буро-малиновый осадок, а вот – на большой двери уже пишут мелом корявые буквы и цифры:

Простецкая аддескция

0,07% ± 0,002%

Вмерсириум срум픽с

5 г

Вещество мамонта

Сумрак, развейся! Гу-гу, гу-гу-гу.

19 марта 1986 года.

«Дорога была прямая как стрела и утопала в зелени»

Находясь в самом центре Люнебургской пустоши, близ города Мунстер, Епульбим намеревался в короткий срок разбомбить и предать адскому пламени Гамбург, Мюнхен, Кёльн, Франкфурт-на-Майне, Бремен, Ганновер, Дуйсбург, Дюссельдорф, Вупперталь, Эссен, Бохум, Дортмунд, Гельзенкирхен, Мангейм, Штутгарт и Нюрнберг, также он жаждал сжечь напалом Киль, Кассель, Гёттинген и все прочие города Федеративной Республики, имеющие население свыше 100 тысяч человек, чтобы затем перейти к городам, имеющим число жителей более 30 тысяч, но менее 100: таким, к примеру, как Золинген, Штольберг, Люнебург; а затем заняться городами с населением от 10 до 30 тысяч человек – такими, как Мунстер, Зольтау и им подобные. Напоследок он намеревался быстренько пройтись по всем населённым пунктам ФРГ, имеющим менее 10 тысяч человек, чтобы затем несколькими десятками мощных ударов погрузить навеки на дно океана всю территорию ФРГ, составляющую примерно 248 тысяч квадратных километров. Дания, таким образом, окончательно превращалась в архипелаг, Австрия, Швейцария, Чехословакия и Люксембург получали выход к морю! Очень короткому теперь Рейну предстояло впадать прямо во вновь образованный Западногерманский залив Северного моря, вместо упразднёвшегося Боденского озера, через которое он протекал; Зальцбург становился основным австрийским морским портом; в Швейцарии портами становились Базель, Шаффхаузен и другие более мелкие города; Франция получала новый порт на море – Страсбург. У Епульбима было уже всё готово. «Да, меня будет помнить благодарное человечество, – подумал он. – И в знак своей благодарности оно назовёт новый залив, пожалуй, моим именем».

Кретин Эдигур, акромегалик Щ'Ебицц, два гомосексуалиста, страдающие прогрессивным параличом, – Фехиций и Хибуций, некрофил Июний, злобный психопат-сифилитик Жан Сифюи и гидроцефал Йабер направлялись в город Ебугач. Дорога была очень даже прямая... В пути они не остановились ни на минуту и прибыли в Ебугач как раз вовремя. Епульбим уже ждал их там с букетом.

– Как дела? – спросил самый умный из всей компании и потому старшой Сифюи. Некрофил Июний тем временем уже побегал на кладбище, Фехиций и Хибуций занялись своим делом, Йабер уселся гадить, Эдигур, роняя длинные слюни с оттопыренной нижней губой, куда-то пошёл. Щ'Ебицц исчез ещё до прибытия в Ебугач.

– Плохо, – сказал Епульбим.

– Как, неужели?.. – вскричал злобный психопат Жан Сифюи.

– Да нет, – сказал Епульбим. – Ты ничего не понял. Дело в том, что...

В это время появился Щ'Ебицц. Не теряя ни минуты, он ударил Жана Сифюи камнем по голове и так же загадочно исчез опять.

– ...потому что оно и было, вот потому-то оно так и вышло, а вовсе не из-за того, что.

Епульбим закончил своё объяснение и наклонился к Жану Сифюи. Тот уже минуты четыре лежал без сознания. Землистого цвета лицо его с провалившейся переносицей было покрыто обычной для него испариной.

– Вроде, всё в порядке, – сказал Епульбим.

– Что, что!! – вскричал вдруг злобно Фехиций. Очевидно, в словах Епульбима ему что-то не понравилось, он схватил железный стержень и убил Хибуция. После этого он приблизился к гидроцефалу Йаберу и завёл с ним какой-то разговор.

Епульбим мало-помалу остался один. Единственный, на кого была какая-то надежда – Жан Сифюи – лежал уже полчаса в той же позе.

– Что ж, – сказал Епульбим. Он взвалил Жана Сифюи на плечо и неторопливо понёс его по середине главной улицы Ебугача, населённого сплошь олигофренами в стадии глубокой

дебильности либо лёгкой имбецильности. Улица была почему-то пуста. Наверное, где-то шло собрание.

Внезапно перед Епульбимом вырос акромегалик с глубоким шизофреническим дефектом личности Щ'Ебицц.

– Что, что, – недоброжелательно сказал, сторонясь, Епульбим.

– Дай, дай, – сказал Щ'Ебицц.

Епульбим передал ему маловесащего Сифюи. После этого Епульбим и Щ'Ебицц опустились на землю и притихли. Жан Сифюи лежал рядом.

Через шесть часов 20 минут все они продолжали оставаться всё в тех же позах. Вокруг по-прежнему не было видно ни одного олигофрена. Должно быть, собрание продолжалось.

Ещё через одну минуту Жан Сифюи внезапно довольно бодро встал, взял лампу и нанёс 19 мощных ударов по черепу Епульбима. После этого он ушёл, но быстро вернулся, поднял Епульбима, осторожно взвалил его к себе на плечо и понёс дальше.

Щ'Ебицц неторопливо достал из кармана нечто, завернутое в газетку, обежал вокруг и положил свёрток перед Жаном Сифюи на дорогу.

Тот не заметил его. Епульбима также не было на его плече: он сидел на лестнице и отдыхал. Вспомнив о Щ'Ебицце, Сифюи вернулся и подобрал свёрток. Он развернул его, и радостная улыбка озарила вечно озабоченное лицо Сифюи.

– Жизнь-то какая прекрасная!.. – воскликнул Жан Сифюи.

– Да, ты прав, – сказал Епульбим. Рядом с ним сидел Щ'Ебицц, вполголоса излагая Епульбиму какой-то, видимо, не слишком затруднительный план.

В этот момент за их спинами появился Жан Сифюи.

– *Орлум перфектум файболис*, – вкратце заметил лишь Жан Сифюи, и Епульбима скрутило в диких адовых судорогах.

– Все голограммы это показали, – удручённо повторял Епульбим, корчась, в то время как Жан Сифюи и Щ'Ебицц завели неторопливую размеренную беседу.

СИФЮИ. Почему-то я всегда думал, что Епульбим крайне мало пригоден для этой цели. Епульбим хороший лидер, но никудышный профессионал.

Щ'ЕБИЦЦ. Знаешь ли, дорогой, всегда отрывки перфектум он олицетворяет себя, да, олицетворяет лишь себя.

СИФЮИ. Профессионалитет, следовательно, аргументируется.

Щ'ЕБИЦЦ. Рукавицы, олицетворение Епульбим надеет на нас себя одних.

СИФЮИ (подумав). Щ'Ебицц... Судьба! Вот что в наших руках. Но по вине его у нас отобрано будущее.

В завершение беседы Жан Сифюи ударил Щ'Ебицца по голове ломаным кирпичом, отчего тот рухнул навзничь, обливаясь кровью.

Епульбим тем временем, всё так же свиваясь в судорогах, поднялся на колени. Судороги предстояли ему теперь до конца. Он это знал.

Жан Сифюи прирезал Епульбима ножом, после чего взвалил его и Щ'Ебицца себе на плечи и пошёл дальше. На улицах по-прежнему было пусто, но откуда-то возникали маленькие облачка, разряжавшиеся маленькими и небыстрыми пыльными дождями.

Понемногу Сифюи замедлил шаг. Просто он заметил, что на плечах у него никого уже нет. Как раз в эту минуту откуда-то хлынула толпа олигофренов. Сифюи молча стоял посреди улицы. Олигофрены, крайне возбуждённые завершившимся собранием, испуская громкие шумные звуки, обтекали его со всех сторон, нисколько не замечая.

Внезапно Сифюи почувствовал, что кто-то трогает его за плечо. Он обернулся. Перед ним стоял широконосый добрый имбецил. Он держал в руках тело Щ'Ебицца. Оно было донельзя изгажено пылью, грязью и кровью.

– Спасибо тебе, брат, – только и сказал Сифюи. Имбецил, улыбаясь, исчез. Сифюи был ведь добр в душе. Он ведь не виноват, что родился таким. И кто ж был виноват из жителей города Ебугача? Сифюи молча взрезал аорту Щ'Ебицца. Подумав, он отрезал голову и положил её в небольшой заплечный мешок.

В это время перед ним появилось тело Епульбима.

Сифюи присел перед Епульбимом. Он вытащил нож и уверенным движением кастрировал Епульбима. Затем он кастрировал также Щ'Ебицца. В заключение он кастрировал и себя.

В этот момент он почувствовал, что голова Щ'Ебицца беззвучно впилась зубами сквозь мешок в его позвоночник. Позвоночник разломился. Перед Жаном Сифюи лежал мёртвый Епульбим.

1987

Стимуляция

Находчивость Базилио

Раз (летом 1987) с Джусом купили 30 бутылок пива, я тогда у него жил. И с Базилио и с Джусом выжрали. И потом (уже вечер был) взяли оставшиеся бутылки, Маккартни там, «Дип Пёрпл» также, и попёрлись все втроём к Базилио на Петроградскую. Это надо на 12 троллейбусе ехать. Так вот, из общаги выходим, а Базилио уже идёт кренделями, и у Джуса глаз уже недобрый от пива, а я следом, тоже полупьяный. Торкнуло пиво-то. А Базилио сумку несёт с пивом. Тут его в холле общаги мент возьми да и прихвати. А Базилио-то уже хороший был. «Вы, студенты, уже совсем оборзели!!!» – сказал мент. (Он думал, что мы студенты¹). Берёт он Базилио и тянет его к луноходу. Пройдёмте, говорит, в машину. Давай сразу в машину, говорит. И тянет Базилио в воронок. Я в сторону отошёл (я мафон свой нёс, чтоб Базилио на него переписывал мои записи). Джус – к ним и что-то менту начал грузить. И Базилио грузит, грузит. А сам шатается. «А ну покажи, что в сумке», – говорит Базилио мент. Базилио открывает сумку (а там пиво лежит, бутылок шесть). «Что это?» – говорит мент. «А это КОРМ ДЛЯ РЫБОК», – говорит Базилио. У мента и крыша съехала. «А что, он такой бывает?..» – говорит мент. Короче, отвязались мы от мента, поймали мотор, загрузились и укатили. Вот какой находчивый Базилио.

Хлебосольный Джус

Раз встречаю Джуса ну и пошли мы с ним в кафе «Чешский Копов». «Да чисто молочка надо на кишку закинуть», – Джус говорит. Он, дескать, всю ночь на даче работал, а с утра на работу, а теперь ехать в Джус-таун² и сидеть до вечера с киндером, а завтра в 6 утра снова на работу. «Молочко – оно в кайф, полезное», – говорит Джус. «Да я лучше компота», – говорю. «Да ты что! – не поверил Джус. – Молочко оно в самый кайф, самое то, что надо!». Но я был непреклонен. «Давай я, – говорю, – заплачу». «Да ты чево там, мол, брось ты шизню гнать», – говорит Джус. «Да ты чего, не помнишь, как-то с тобой в диетическую столовую ходили, ты два юкса замаскал³» – реку и лезу с рублём. «Ну, Капитон, стебёшься ты, что ли, я ни фига в тебя не врубаюсь!» – орёт Джус, своим юксом размахивая, и лезет к кассе. «Возьми, Джус, юкс!» – настаиваю. «Да, Капитон, иди вон, сядь там лучше за столик!» – машет Джус своим юксом, аж борода развевается. «Вон я тебе ещё пустышку возьму», – говорит. (Это булочка такая есть, кайфовая, Джус любит. Ну, Джус взял себе кулёчек с молочком, мне компотику с ягодицами, и две кайфовые булочки, посыпанные пылью. Сели мы за столик, да всё и схавали. Так Джус угощал меня 4 октября 1988 года часа в 2 дня в кафе «Чешский Копов».

Как Базилио Джуса опустил

«Базилио, тоже, мозгов нет ни фига! – рассказывал историю Джус, и в загадочных глазах джусовых сквозило некоторое возмущение. – Говорил ему: придёшь ко мне на работу – не лезь ты туда! позвони и жди меня. А он – ну, мозгов нет чисто у человека, что ли! говорил же ему! –

¹ Автор в то время университет уже покинул; Джус в нём никогда и не учился и в общаге жил потому, что числился элек-триком, ни рожна в электричестве не понимая; что же до Базилио, то это просто джусовский знакомый мулёк с Петроградской.

² Город Пушкин.

³ Два рубля заплатил (из финского).

полез и лазил там часа два и орал – где тут Джус работает. Ему навстречу Мафусаил выходит: чево, мол, тебе? Джуса, говорит. А тут *нет такого!* говорит. Мозги же надо иметь...»

Жизнеутверждение Джуса

«Ты врубись: разрезаешь брюхо, засовываешь с двух сторон руки, берёшь кишки – и вытаскиваешь. Треск... Говно по рукам течёт. А кишки – *тёплые*... Совсем на жизнь по-другому смотришь, совсем другими глазами! А запах крови – ты не знаешь, как она пахнет, даже во рту вкус крови чувствуешь. Там вообще другим человеком себя чувствуешь. Там люди работают и поют...»

1988

Большая вершина

*(Музыкальные впечатления от многократного прослушивания
альбома Queen «Jazz» (1978))*

Тупое сотрясение земли – очевидно, где-то функционировали партийные функционеры – достигло осознания К. В. Дерменгольма. Он поставил бутылку пива на землю.

– Помещик! – воскликнули братья-медвежата.

В то же время, хотя и начал действовать прокатный стан, медвежата начали подстригать осоку и лежащего без чувств под одеялом на берегу пруда К. В. Дерменгольма.

– Помещик! – закричал К. В. Дерменгольм, резко поднялся на ноги и упал в пруд. Он был пьян. Полетели совы.

– Велосипед! – дружным дискантом пропели совы, один из них упал в пруд, а остальные, махая крылышками, полетели дальше. Стервень зарывался в землю.

Экскаваторщик Бенамуинт Ливер, выйдя из вертолёт, начал плясать по битому стеклу, да так, что во все стороны сразу полетели очки, бутылки, рецепты, потроха и щупальца.

– Хей хоп! – прокричал экскаваторщик, заглотил железку циклодола и продолжал плясать ещё рьяней.

– Умойся потом, свинья! – закричало бегущий помещик.

– Помещик!! – в ужасе прокричали медвежата. Они залезли под куст осоки.

– Извёстка, краска и жёсть! – проговорил вдруг появившийся из-под земли комиссар.

Глаза его были выпучены.

– Комиссар! – в ужасе завопили медвежата.

– Комиссар! – запели нестройным дискантом совы, летевшие хвостом вперёд.

– Комиссар! = сказал Бенамуинт Ливер, собрал свои стёкла и улетел на вертолёт.

– Хей хоп! – загорланил несущийся задом наперёд помещик.

– Помещик! – пришибло ужасом медвежат.

– Дневной сон! – крикнул комиссар, держа в одной руке астраханского леща, а в другой бутылку пива. Глаза его были всё так же выпучены.

– Комиссар! – прокричали медвежата.

– Воскресенье! – негромко сказал помещик.

– Помещик! – пропели медвежата.

Через местность, наполовину зарываясь в землю и осоку, пронёсся свинский дух. Поверхность пруда слегка забурилась.

– Давайте все строить лупанарий! – сказал помещик.

– Помещик! – проговорили медвежата. Им было уже не до шуток.

– Нет, Днепрогэс! – выпятив грудь, выкрикнул комиссар и хватил себя кулаком в грудь.

– Комиссар!.. – только и сказали медвежата.

В это время поверхность пруда вспенилась... Таща за собой пулемёт, на берег вылез К. В. Дерменгольм.

25 декабря 1988 года.

Страшный мир

Лимфатический сумрачный волчий базар почернел. Открылись небольшие волчьи глазки, замерцавшие во тьме, и две маленькие сплошь чёрные сполохообразные апидескии вынырнули и встали неподвижно во главе отряда.

Сумрачно и темно.

Тоскливо, мрачно и безрадостно.

Хреново.

Базарный сумрачный лимфатический почерневший волк смутился и оттопырился. Пыжающаяся лимфохвостая отрядная феадия сполохообразно взлетела в чёрное небо. Было темно.

В Вашингтоне пробило полночь, и одноярусные полки сметливо скособочились. Вонзились топоры в спину, и Джус, выйдя из укрытия, скабрезно подбоченился. Стало ещё темнее.

Хреново.

Веретенообразный волчок достиг большой вершины и встал стоймя. Жужелица засекретилась. Стало очень темно. Чернообразные моли мыли раму. Вошь скукожилась. Фиговинки играли гранями.

Уже в полной тьме вышел парасимпатический перегорик. Он был паралогичен и неделикатен. Раскрутив веретено, он сказал сам себе пару слов, после чего почернел так, что его во тьме не стало видно. Хотя видимости уже и так не было никакой, она ещё более ухудшилась. Ральфа смежилась. Альфа Рака тускла. Склеротический водяной всклок кабельно проиндифферировался. Эффект сочувствия равнялся жужелице. Дифферент жужжал. Джус копошился в околичности. Ополчение залегло. Отряд жужжал тоже. Волк покосился. Кость, вертикально материализуясь, ворвалась в полость иннервации. Стемнело ещё больше.

Дериватная щёлочь аморфно текла сквозь камин. Камин жужжал. Жужжание распространялось всё более. Стало ещё темней. Постепенно темнота щупальцевидно раскретинивалась. Наконец стало абсолютно темно, и только было слышно, как где-то внизу невидно падала каплями лимфа.

Падение лимфы прекратилось.

Осень 1988 года.

Виселица

*Mama, just killed a man,
Put a gun against his head,
Pulled my trigger, now he's dead.
Queen: Bohemian Rhapsody⁴.*

Шар осторожно вкатился в заросли сухого борщевика. За ним осторожно вошёл в заросли Пемелдий. Под ногами шебуршала сухая трава. Была поздняя осень. Невдалеке была река. Пемелдий, торопясь, потому что его ожидал его друг Векверфий, стал следовать в зарослях борщевика туда, куда, по его мнению, упал шар. Наконец он наткнулся на круглое отверстие в земле и сунул туда руку. Он сразу схватился за скользкий клубок змей, но потом сообразил, что их не может быть в такое время года, потому что был не тот сезон. Шара, однако, не было. Что-то упёрлось в колено Пемелдия, и он увидел под собой в сухой траве радио. Радио передало новость, и А. А. Жданов основал Ленинградский университет. Было хорошо. Стало ещё лучше. Внезапно Пемелдий увидел и шар. Шар лежал тут же рядом под сушим лопухом. Но едва Пемелдий протянул руку к шару, грохнул выстрел, и Пемелдий упал с простреленной головой в траву. Векверфий, стоявший в пяти шагах, сунул револьвер в карман и быстро подошёл к шару. Он встал на колени, чтобы взять шар в руки, но тут что-то ему показалось не так, и он разглядел в просвете борщевика тупо стоявшего и глядевшего куда-то в сторону реки или ещё неведомо куда 59-летнего одуревшего экономиста Гольдимация. Спокойно, потому что он знал, что Гольдимаций всё равно ничего не услышит, потому что глухой, Векверфий вытащил только что спрятанный револьвер, прицелился Гольдимацию в ухо и выстрелил. Раздался хруст сухой полыни – это в неё рухнул мёртвый Гольдимаций. То, что Векверфий не спрятал револьвер в карман на этот раз, а положил его на траву, было не вредно и даже полезно, потому что, едва Векверфий снова нагнулся к шару, который за это время стал вдруг уже не шаром, а эллипсом и оранжевым, неведомо откуда прогремел выстрел, и пуля сорвала воротник в векверфиевского пальто. Векверфий скатился в небольшую ложбинку, на время оставив проклятое изделие. Тут в просвете зарослей он увидел крадущегося среди кочек болотистого поля К. В. Дерменгольма. «Сволочная рожа», – подумал Векверфий, достал второй револьвер, взял по оружию в каждую руку и стал целиться в крадущегося К. В. Дерменгольма. Они обменялись выстрелами, и К. В. Дерменгольм упал с простреленными обеими ногами, а Векверфий получил пулю в ключицу. Поскольку между ними расстояние было уже не более 20 метров, Векверфий решил действовать иначе. «Эй, слушай!» – крикнул Векверфий. «Слушаю внимательно», – отвечал К. В. Дерменгольм. «Давай больше пока не стрелять, а поговорим», – предложил Векверфий. «Согласен», – сказал К. В. Дерменгольм. Векверфий встал. «Вот я кладу пока на землю оба револьвера», – сказал он. К. В. Дерменгольм положил свой один револьвер. «Тоже пока», – сказал он. Разумеется», – сказал Векверфий. Он подошёл к К. В. Дерменгольму и отпихнул ногой револьвер от него подальше. «Давай я тебя обыщу, нет ли ещё у тебя оружия», – сказал Векверфий и обыскал К. В. Дерменгольма. Оружия больше не было. «Ты врач, – сказал Векверфий, – и прежде чем мы поговорим, давай ты перевяжешь мне плечо». «Хорошо, – сказал К. В. Дерменгольм. – Сходи вон к лесу и принеси мой чемоданчик». Векверфий отшвырнул ещё подальше револьвер К. В. Дерменгольма и принёс чемоданчик. Он снял пальто, пиджак и рубашку, и К. В. Дерменгольм осмотрел ранение. «Пуля сидит у Вас в кости, – сказал он. – Сейчас я Вам стерилизую рану и перевяжу, но потом

⁴ Мама, я только что убил человека. Прицелился ему в голову, нажал на курок – и вот он мёртв. («Квин», «Богемская рапсодия»).

надо будет обратиться в больницу». «Хорошо, я, может, к Вам и обращусь», – сказал Векверфий. «Нет, я уже давно не работаю». – сказал К. В. Дерменгольм. «А, ну тогда ладно, – сказал Векверфий, морщась от обрабатывания раны. – Вы бы, может, сперва себе помогли, а потом уж мне?..» «Нет, я врач, сперва должен помочь больному», – сказал К. В. Дерменгольм. «Вы очень любезны, – сказал Векверфий, – но и народу Вы положили немало. Перестреляли в смысле». «Хм, – сказал К. В. Дерменгольм, – Вам-то откуда известно?» «Когда, например, Вы стреляли во время фашистского мятежа, – сказал Векверфий. – Я тогда случайно был на улице». «А Вы что, состоите в фашистской партии?» – спросил К. В. Дерменгольм. «А что, Вы мне тогда не будете оказывать помощь?» – спросил Векверфий. «То есть какую?» – не понял К. В. Дерменгольм. «Врачебную, сейчас», – сказал Векверфий. «Да нет, я ведь врач, оказал бы», – сказал К. В. Дерменгольм. «всё-таки хорошо, – сказал Векверфий, – что Вы прострелили мне плечо не правое, а левое». «Вы меня тоже ранили в обе ноги навывлет, это тоже хорошо», – сказал К. В. Дерменгольм. Он перевязал Векверфия и теперь оказывал врачебную помощь себе. «Всё-таки Вы не ответили», – сказал К. В. Дерменгольм. «Нет, не состою», – сказал Векверфий. «Чего же Вы делали на улице?» – спросил К. В. Дерменгольм. «Я с винного магазина шёл», – сказал Векверфий. «Кстати, – сказал К. В. Дерменгольм, – может, попьём коньяку? У меня был в кармане». Он полез в карман и с недоумением вытащил бутылку с аккуратным пулевым отверстием в дне. В бутылке ничего не было. «Странно, – сказал К. В. Дерменгольм. – Я думал, это кровь по мне откуда-то сверху течёт, а то коньяк был... Слушайте, но Вы, по-моему, стреляли один раз, то есть выпустили две пули?..» «Да, только один раз», – ответил Векверфий. «Так кто же в меня ещё стрелял?» – недоумённо спросил К. В. Дерменгольм. «Не представляю», – отвечал Векверфий. К. В. Дерменгольм подумал. «Знаете, – сказал он, – Вы на всякий случай всё-таки принесите револьверы и Ваши, и мои, пусть тут лежат». «Да, Вы, пожалуй, правы, – согласился Векверфий. – Только давайте я лучше оттащу Вас в заросли. А то тут местность открытая. А там у Пемелдия в кармане должно быть что-нибудь забухать». Он отволок К. В. Дерменгольма в заросли, затем принёс его чемоданчик и револьвер, а также положил рядом с собой свои два револьвера. Затем Векверфий пошарил в карманах у лежавшего тут же мёртвого Пемелдия и действительно нашёл непечатую бутылку водки. «Пить придётся из горла», – сказал он. «Зачем же, – сказал К. В. Дерменгольм, – у меня в чемоданчике есть как раз два медицинских стаканчика, а также копчёная колбаса. Вот хлеба нет». «Да хрен с ним!» – воскликнул повеселевший Векверфий. Он разлил водку в стаканчики, и К. В. Дерменгольм порезал скальпелем колбасу. Они выпили, не чокаясь, как подобает настоящим врагам. «А кто это?» – спросил К. В. Дерменгольм, жуя колбасу. «Это Пемелдий», – отвечал Векверфий. «Кто такой?» – спросил К. В. Дерменгольм. «Так, один бедолага», – отвечал Векверфий. Они налили и выпили ещё по стаканчику. «Там ещё Гольдимаций лежит», – сказал Векверфий. «И его ты грохнул?» – спросил К. В. Дерменгольм. «Да», – отвечал Векверфий. «А зачем?» – спросил К. В. Дерменгольм. «Да на хрен он нужен», – отвечал Векверфий. «Кстати, как Вас полностью зовут?» – спросил К. В. Дерменгольм. «Векверфий Варсонофьевич Флейц», – отвечал Векверфий. «Так мы с Вами по отчеству тёзки?» – удивился К. В. Дерменгольм. «Да», – отвечал Векверфий. Они налили и выпили ещё. Внезапно раздался треск и хруст неподалёку. «Внимание!» – негромко воскликнул К. В. Дерменгольм, и оба схватили револьверы. Но звуки утихли. «Тут дело нечисто», – сказал К. В. Дерменгольм. Он, адски морщась, пополз к краю кустов, раздвинул их и выглянул в поле. Совсем рядом, в десяти метрах, стоял и шатался пьяный молодчик. «Эй, ты, болван! – неожиданно для себя крикнул К. В. Дерменгольм. – Пошёл вон отсюда!» С этими словами он показал молодчику револьвер. Молодчик неожиданно сообразил, очень испугался и стремительно побежал куда-то неведомо куда. «Всё в порядке», – крикнул Векверфию К. В. Дерменгольм и пополз обратно. Он полз, не глядя вперёд, но глядя на землю, и вздрогнул, когда ему в висок легко ударил носок ботинка. «Векверфий! – сказал К. В. Дерменгольм. – Ведь мы же договаривались...» Он поднял голову. Перед его лицом находились

измазанные осенней грязью ботинки Векверфия. Векверфий Варсонофьевич Флейц покачивался в петле огромной, метров десять в высоту, виселицы.

25 января 1989 года.

Раздел II. Величественные полотна (1989 – 1993)

Комитет

1. Outdoor Growth

Всякое упоминание о геройстве и ненадёжности долгого лунного рассвета мысленно отрицалось, и тем не менее не было ясно, что ранний рассвет возможен и настоятелен: хотя бы в некоторых местах уже упали на росистую землю луковичные всходы долгой зари, хотя ветер был долгий и непостоянный, и тёплая ночь вселяла уверенность в конечность такого мироустройства. Пять миллиардов лет, в течение которых существовала такая система, сам факт этих пяти миллиардов как таковых, а не какой-либо другой факт либо что-то ещё – тоже не побуждал не быть уверенным в этом. Солнечная система – а речь здесь идёт именно о ней, а не о чём-либо другом – вообще очень быстро видоизменялась, производя пар, сумерки и галлюциногенные осадки.

Конец был близок, это было неизвестно. Ночь, чёрная и густая, как Бог знает что, облегчала продвижение к закономерному разрешению этого долговечного взрастания. Вообще, бессмысленно говорить о том, что воздух спёрт и кисл, что над землёй расползается аромат луковичных трав, и что пыльные и тёплые ольховые листья, и так далее... Общительность ночи, её *подобие*, её сумеречность, её разум и стремление, её жевание, соль, соленоидный вкус, ветер, кислотность и шум, её произрастание навстречу, гул, острота, клей и напутствие, её обуза, злоупотребление и пластырь, её помещичье видение, видение и заболоченные овраги, осока, солёные огурцы и ненадёжность, слава, забвение и прогресс, ром, аптечные ромашки и соцветие мировосприятия, ответный гам, эволюция и алгебра – всё это находилось воистину около, и около того, что является неизвестным и прошедшим, цвели угольные дожди. Ночь прогрессировала, одним словом. Сумерки зацветали и исчезали.

2. Lazy Masturbate (Центральный Комитет)

– Патологические изменения в суставе: воспалительные процессы, артриты, остеохондриты влекут за собой отторжение капсулы, принимающее костно-хрящевой характер. При травматических повреждениях с последующим кровоизлиянием в суставе происходит выпадение фибрина, сгустки которого могут оставаться в полости сустава свободными; отделившиеся мелкие костные частицы, частицы капсулы, хряща, свободно передвигаясь внутри сустава, также образуют суставные мыши⁵.

Докладчик, Пеллидий Флауэр, высоко поднял палец вверх и значительно оглядел аудиторию. В первом ряду сидели и внимательно слушали Инфалангеус, К. В. Дерменгольм, товарищ Сталин, Т. Б. Эгершельд, Агоний Бёрнс, Глегзоний, Джус и плотник Порфирий О’де Бест.

– Какие будут вопросы? – внимательно спросил Пеллидий Флауэр, вглядываясь в лица аудитории.

– Товарищ Флауэр, – заговорил первым после некоторой паузы товарищ Сталин. – Вот Вы говорили о суставных мышцах. Но вот могут ли они рассасываться самостоятельно?

⁵ Справочник практического врача в 2 тт. М., 1952.

– Небольших размеров суставные мышцы иногда могут постепенно рассасываться⁶, – поспешно разъяснил Пеллидий Флауэр.

– Товарищ Инфалангеус, – молвил товарищ Сталин, поворачиваясь вполоборота к Инфалангеусу, сидевшему от него через К. В. Дерменгольма, – что Вы думаете по этому поводу?

– Мечта! Ветеринарная мечта! – немедленно заорал Инфалангеус. – Сигаретная дверь! Вымя! Прогресс! Различное видение и уплотнённое противостояние отсутствия разности кратной чётности пропадения! Воздух! Вымя! Сирингомиелия!

– Относительно уплотнённого противостояния – тут я с Вами согласен, – прервал его товарищ Сталин, разворачиваясь в другую сторону. – Но что думает по этому поводу товарищ Эгершельд?

– Мм... – начал Т. Б. Эгершельд, пряча что-то под сиденье стула. – Это... как там... жужеличное равенство логарифмизуется апплектично первому вектору боковой ветви...

– Вы явно не в себе сегодня, товарищ Эгершельд, – укоризненно заметил товарищ Сталин. – Вам нужно отдохнуть. Товарищ Джус, а что Вы скажете?

– Да чувак стебётся, чисто крыша течёт, – сказал Джус.

– Товарищ Джус, как всегда, при своём мнении, – усмехнулся в усы товарищ Сталин. – Но, может быть, у товарища Бёрнса своё мнение?..

– Да я думаю, что надо идти жрать пиво, – отвечал публицист-алкоголик Агоний Бёрнс. – Ты как думаешь, Порфирий?

– Сходил бы ты поссал, – мрачно сказал О’де Бест.

– Ну что ж, – заключил товарищ Сталин, упирая руки в колени. – Я считаю вопрос исчерпанным. Позиция бывшего товарища Флауэра нам вполне ясна. Это вражеская позиция. Глегзоний, разберись с товарищем Флауэром.

Глегзоний, который уже давно держал наготове пистолет, быстро прицелился в голову Пеллидию Флауэру. Грохнул выстрел; докладчик свалился под трибуну.

Собрание завершилось. Агоний Бёрнс и О’де Бест приволокли откуда-то ящик пива и начали его жрать, оскорбляя друг друга и время от времени занимаясь рукоприкладством, что, однако, не мешало им успешно жрать пиво. Инфалангеус и Т. Б. Эгершельд завели негромкий и неторопливый разговор по-немецки. Товарищ же Сталин приблизился к К. В. Дерменгольму и куда-то его поманил.

3. Taylor Hospital

– Вот смотрите, товарищ Дерменгольм, – загадочно усмехаясь, сказал товарищ Сталин, подводя К. В. Дерменгольма к некой облупленной двери. Перед этим они вышли из аудитории и прошли определённое расстояние по кривому обшарпанному коридору.

К. В. Дерменгольм коснулся двери, и она с грохотом рухнула внутрь, так как не висела на петлях, а была просто прислонена к косяку. Внутри было совершенно темно и пахло скисшей мочой. К. В. Дерменгольм нажал на выключатель, и поганая лампочка засветилась багрово-синим светом. В замусоренной до предела комнате на охапке соломы спал мертвецки пьяный М. П. Лукьяппер.

К. В. Дерменгольм обернулся. Но товарища Сталина уже не было.

Тщетно поразмыслив, К. В. Дерменгольм, отодвигая ногами бутылочные горлышки и куски собачьего дерьма, приблизился к М. П. Лукьяпперу. Впрочем, он поспешил тут же удалиться и даже выйти из комнаты, так как при ближайшем рассмотрении оказалось, что М. П. Лукьяппер во сне медленно и постепенно блевал, а также он уже успел обмочиться раза три. Гадил ли во сне М. П. Лукьяппер, К. В. Дерменгольм, наступивший на мягкое собачье

⁶ Там же.

дерьмо и, упав, ухватившийся за скользкие свиные кишки, не установил. Он вышел из комнаты, выключил свет и прислонил дверь снова к косяку.

В коридоре тем временем откуда-то появилась мёртвая корова с распоротым брюхом. Её было не обойти, так как коридор был узкий, и К. В. Дерменгольму пришлось идти по корове, выдавливая её внутренности. После коровы К. В. Дерменгольм был вынужден пройти также по лошади, человеку и свинье. Далее, вроде, коридор был пуст. К. В. Дерменгольм вынул на всякий случай пистолет и сделал это, как оказалось, не зря, так как в этот момент распахнулась дверь и навстречу ему выбежал Глегзоний, целящийся из пистолета прямо в лицо К. В. Дерменгольма. К. В. Дерменгольм выстрелил четыре раза, зашвырнул труп Глегзония обратно в комнату (это был туалет) и, сделав ещё два шага, оказался у двери со стеклянной чёрной табличкой: TAYLOR HOSPITAL.

4. Big

Было известно, что он никогда не касается дороги, когда спит. Ноль, светящийся и мерцающий, как диск, внезапно влез в глаза К. В. Дерменгольма. Пинком ноги он резко распахнул дверь и для начала сделал семь предупредительных выстрелов в стену напротив. После этого К. В. Дерменгольм стал перезаряжать пистолет. Он осмотрелся.

Но, по-видимому, здесь содержались лишь самые мерзкие больные. У одного не было полхари, у другого из пасти торчал обрубок шланга, у третьего была обширная дыра в шее, у четвёртого из глотки свешивалось всё её содержимое, у пятого, и так далее. Больные обступили пришедшего К. В. Дерменгольма, и он, медленно двигаясь вдоль стены и заряжая пистолет, тихо беседовал с больными и раздавал им подарки.

Вдоль другой стены, навстречу, так же медленно двигался окружённый больными Джус. Когда они поравнялись с К. В. Дерменгольмом, оба расшвыряли больных, вскинули пистолеты и начали палить один в другого, но не попадая. Они крошили пулями стены, поднимая тучи штукатурной пыли, иногда стреляли в потолок, причём оттуда начинали сыпаться гроздьё битого стекла от ламп дневного света, иногда в разные стороны коридора. Когда они останавливались из-за окончания патронов, они щёлкали зубами, рычали и строили один другому устрашающие рожи, а больные в это время перезаряжали им пистолеты и давали вполголоса различные советы. После этого оба опять принимались за стрельбу, и так продолжалось довольно долго.

5. Fifth

Внезапно раздался орудийный выстрел из конца коридора. Между лицами отпрянувших в ужасе К. В. Дерменгольма и Джуса неспешно пролетел здоровенный дымящийся снаряд, и из конца коридора послышалось кряканье и довольное хихиканье товарища Сталина. К. В. Дерменгольм поспешил вернуться в коридор, покинув Taylor Hospital и затворив за собой дверь. Пока К. В. Дерменгольм курил в коридоре, обдумывая ситуацию, изнутри раздавалось отчаянное лупление в дверь Джуса, его невнятные вопли и, время от времени, грохот орудийных выстрелов и шлёпанье падающих где-то снарядов. Постепенно Джус затихал – очевидно, на него клубком намотались больные. Под конец товарищ Сталин, очевидно, пальнул в потолок, потому что невероятно загрохотали разламывающиеся и рушащиеся железобетонные перекрытия. Затем из-под двери вытекли две блестящие змейки, и всё стихло.

6. Pict

К. В. Дерменгольм докурил папиросу «Беломорканал» и в раздумье сделал шаг вперёд и два шага назад. Тем не менее вокруг уже основательно назрели и даже начали происходить какие-то изменения. Во-первых, коридор исчез; здесь имеется в виду, что он раздвинулся до невидимых пределов. Во-вторых, следовательно, взгляду К. В. Дерменгольма открылась масса самых разных явлений, которые он раньше не в состоянии был видеть.

Что-то толкнуло К. В. Дерменгольма сзади, и он осторожно посторонился. Оказалось, что это был стремительно пробегающий на четвереньках и не стеснённый теперь уже ничем М. П. Лукьяппер, катящий перед собой здоровенный бубырь кала размером с человеческую голову. М. П. Лукьяппер был сильно пьян. С треском пукая, подпрыгивая и петляя среди множества людей и явлений, М.П. исчез. Навстречу ему на четвереньках пробежал комиссар без галифе, с сулейй самогона в пасти, гонящий перед собой, однако, всего лишь самый маленький каловый бубырик. Комиссар очень громко рычал, и К. В. Дерменгольм несколько испугался. Однако испуг его прошёл, когда комиссар удалился на достаточное расстояние; некоторое время в дымке маячила его грязная задница с торчащим из неё солёным огурцом; потом пропала и комиссарская срака. Материализовалась, прошла, шатаясь, мимо и исчезла сильно пьяная Ротонда Шрайеровна Граульгейм с лишайниками. Прошли курящие «Стрелу» и стряхивающие с себя реальных змей и скорпионов пребывающие в состоянии перманентной белой горячки Полина Виллисовна Джефферсон и Моника Штрауховна Хальтендах, причём М. Ш. Хальтендах непрерывно блевала и в промежутках между выбросами магмы громко произносила какую-то фразу, на что П. В. Джефферсон, стряхивая тарантулов, кобылоподобно ржала. Внезапно пятнистая безумная рожа М. Ш. Хальтендах очутилась перед лицом К. В. Дерменгольма. «Я в самом центре школы висела!» – горделиво проорала М. Ш. Хальтендах, и К. В. Дерменгольм рухнул на пол без сознания от невероятной мощности алкогольных паров, вылетевших из пасти М. Ш. Хальтендах. Очнулся К. В. Дерменгольм через секунду от того, что над ним кто-то намеренно склонился. Это был абсолютно ничего не соображающий Т. Б. Эгершельд. Т. Б. Некоторое время демонстрировал К. В. Дерменгольму одну и ту же, скорченную, очевидно, заранее, рожу, после чего сообщил К. В. Дерменгольму, что он, то есть Т.Б., – Винни-Пух, и, поворачивая скорченную рожу направо и налево, убежал. Затем откуда-то возник, одновременно с раздавшимися где-то недалеко криками Инфалангеуса, думающий, опускающийся и улыбающийся, как Чикаго, Джек-Флойдоман. При его появлении общий фон гула резко усилился. «...!» – громко крикнул Джек-Флойдоман, и всё стихло. В полной тишине перед К. В. Дерменгольмом возникло окно. Оно медленно осветилось малиновым светом, и оттуда стала медленно выплывать рожа Тирарция Ферфаульдовича Поппинда. Рожа глядела на К.В. «Собака», – сказал К. В. Дерменгольм, и лицо Т. Ф. Поппинда так же медленно задвинулось обратно, свет потух, и окно исчезло. Доверительно беседуя, появились Джус и врач-психотерапевт, и К. В. Дерменгольм счёл целесообразным куда-нибудь уйти. Тем более что уже секунды две его кто-то настойчиво звал. К. В. Дерменгольм обернулся и увидел товарища Сталина.

7. Yellow Faces

– Товарищ Дерменгольм, – молвил, держа трубку в кулаке, товарищ Сталин, – у меня к Вам есть дело. Но сначала у меня к Вам есть вопрос: не хотите ли Вы выпить со мной?

– Вовсе не против, товарищ Сталин, – озираясь вокруг и отступая от упорно наседающих сзади Джуса и врача-психотерапевта, отвечал К. В. Дерменгольм, – только...

– Вас *это* беспокоит?.. – участливо спросил товарищ Сталин. Он достал огромный кнут, громко щёлкнул им, и всё исчезло. В руках у товарища Сталина возникли бутылка грузинского коньяка и две большие рюмки, одну из которых товарищ Сталин вручил К. В. Дерменгольму. Он разлил коньяк, они с некоторой торжественностью чокнулись и выпили, и товарищ Сталин немедленно налил ещё.

– Вот теперь-то, – молвил, чему-то загадочно ухмыляясь в усы, товарищ Сталин, – мы и обсудим с Вами это известное Вам дело, по поводу которого я хотел бы услышать Ваше мнение и, исходя из этого, выработать наше с Вами совместное и не подлежащее ничьему пересмотру решение...

И товарищ Сталин широким приглашающим жестом указал на два роскошных кресла со стоящим между ними столиком, на котором лежали какие-то небольшие плоские и побольше коробочки.

8. Remergence

Ночь всё так же продолжала неспешно расстилаться над землёй и пряными травами. Прямые стебли росли там и тут в тишине, и только подрагивали от неведомых и тёплых воздушных струй соцветия дягиля и боярышника.

Собственно, так и было по-прежнему неясно, что же возникло из недр Вселенной в это мгновение, весьма обширное и невероятно длинное во времени, и что же наконец возникнет ещё, чтобы можно было дать доподлинное разъяснение этому затянувшемуся феномену. В чём дело? – единственный вопрос, волновавший волнистую траву в эту ночь, в это бесконечно затянувшееся мгновение. Вот, собственно, было и всё...

9. Star Again

К. В. Дерменгольм очнулся ранним утром в сухой траве около пригородной платформы Удельная. Приподняв голову, он долго думал, глядя на проносящуюся с невероятным грохотом электричку на Зеленогорск.

Наконец он пришёл к некому решению и продолжил спать дальше.

Август – октябрь 1989, Ильичёво

Bleak Street

*It's a sad-eyed, goodbye, yesterday moments I remember,
It's a bleak street, week-kneed partings I recall.
Queen: Drowse⁷*

1. Струк

– Грибы, проклятые грибы! – плача завопил Лестварий.

Он несколько раз подряд судорожно попытался воткнуть ручку в чернильницу, но всякий раз выдёргивал её оттуда, взмётывая с криком руку.

– Но как он может это утверждать? – спросил Агоний Бёрнс.

– Грибы, проклятые грибы!... – загомонил сразу десяток людей. Все они сидели за чернильными столами и в ужасе вскидывали руки.

– Да, но он же сам мне писал, – недоумённо сказал О'де Бест.

Он взял ручку у Лествария, который застыл в оцепенении, и, пододвинув к себе лист бумаги, резко ткнул ручкой в чернильницу.

Рука О'де Беста резко взметнулась в определённо фашистском приветствии.

– Грибы, проклятые грибы! – не своим голосом заорал он.

– Как же быть?.. – в раздумье сказал О'де Бест спустя несколько минут, в течение которых он приходил в чувство. – Может, пойдём в лес? Там у меня есть знакомые звери...

– Грибы, проклятые грибы! – раздался крик Агония. Это он попытался ещё раз обмакнуть ручку в чернильницу.

– Дай-ка я гляну, – сказал О'де Бест. Он взял чернильницу и вытащил из неё небольшой гриб белого цвета.

– Это гриб, – сказал О'де Бест.

– Это навозник, – молвил Лестварий.

– Грибы, проклятые грибы, – возмущённо и нестройно загундосил отовсюду сонм голов.

– Всё ясно, – сказал О'де Бест. Он положил гриб на пол и попытался его раздавить кованым каблуком. Гриб внезапно с грохотом раскололся, и из него полилась струя идеального золотого цвета. Она быстро потекла по полу в сторону Лествария, который остолбенел и в ужасе затаился.

Золотая струя медленно, тихо и грустно распалась на буквы. Скоро на полу можно было прочитать:

НАША КЛИНИКА СВОЕВРЕМЕННА

– Да... – вздрогнув, сказал Агоний. Он даже потряс головой. – Пожалуй, это всё он. Его почерк, – взяв за волосы Лествария, Агоний с силой хватил его головой о край стола. Верхняя часть головы отскочила, и от края блестящей золотой чаши стали откалываться и падать на пол медленные грустные капли, складывающиеся в буквы:

НО ВЫ ЗНАЕТЕ. БЕЗ НАС ВЫ ПРОЙДЁТЕ. ОСТАНОВКА

⁷ Печальные моменты прошлого, прощайте, я вас вспоминаю. Холодная улица, встречи, после которых дрожат колени, я вас помню. («Квин»: «Дремота»)

– Странно, – сказал Агоний. – Я думал, что мы узнаем всё-таки значительно побольше. Он высоко поднял Лествария и с силой швырнул его на пол. Но из всех шариков и ромбиков составилось ещё всего только два слова:

СЛУШАЙ ПОЕЗД

Агоний и О’де Бест долго и вяло смотрели на мерцающие и переливающиеся буквы. Затем Агоний взял большой немытый веник и стал медленно и грустно сметать слова в одну кучку. Кучка снова распалась на буквы. Увидев итог, О’де Бест почернел от ужаса. На полу было написано на этот раз лишь одно слово:

БЕСТ

Посмотрев на О’де Беста, Агоний Бёрнс вскочил и с размаху ударил его кованым носком сапога в глаз.

О’де Бест пришёл в себя, но лучше ему не стало.

– Теперь я уже просто Бест, – прошепелявил он.

Предисловие

Немало не придёт сомнения, что прошедший день застал и заставил нас провести этот день в одном из нескольких больших цветов, но цветник был не наш, и мы очень испугались, когда вдруг увидели, что цветник шевелится, а потом вышел небольшого роста маленький ушибец и сказал нам: здравствуйте, мои приветливые пионеры; за такие слова его, несомненно, следовало бы тут же лишить главного завоевания – человеческой жизни, но мы, все не помня о таком же прецеденте, который случился в дощатом сарае в ночь на 31 февраля на перекрёстке пяти дорог в новолуние 5 дрокабря, поверили ему на слово – и что же? ушибец шаловливо ускакал на рассвете, пришпоривая конька-горбунка, он был довольно неприятен, но мы-то тоже были не лучше, и потому мы сразу поняли, в чём тут дело: это, конечно, проделки одного и того же человека!

Что ж из того? Ведь сомнения нам действительно вот только ещё и недоставало, но этот день, как и несколько другие, был уж очень цветлив, но не по-нашему, и мы сильно испугали всех в округе, но тут вдруг увидели ушибца и всё поняли: здравствуй, ушибец, сказали мы; а, мои маленькие пионеры, привет, друзья! радостно заболботал ушибец, и мы были бы особенно рады тут же и убить этого маленького мудака, да что-то где-то мы, наверно, не так поняли, потому что то же в точности самое уже ведь было в дощатом сарае в ночь на 7 ноября на перекрёстке одной дороги в четыре часа пополудни, намедни и ничего больше не оставалось, как поверить всему, что он нам вот только что наболботал, а потом он уехал на жеребце, и только одна глубокая борозда осталась от него, а что мы? мы ничего, сказали мы и уехали на поезде, а всё-таки это действительно его рук дело!

Начало анализа: 1

Пассажирский поезд №373 Москва – Караганда только что миновал небольшую платформу Дертипиговка и приближался к важной узловой станции Нетворк, где должен был бы работать ночной вокзальный буфет. Публицист Агоний Бёрнс и плотник Порфирий Бест с большим кровоподтёком вокруг заклеенного жёлтым пластырем левого глаза хотели жрать и вглядывались в тёмное окно с явным нетерпением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.